

Л. П. Чурилов

**ЯКОВ ВАСИЛЬЕВИЧ ВИЛЛИЕ (1768–1854).
ХРАНИТЕЛЬ ДИНАСТИЧЕСКИХ СЕКРЕТОВ: ПОЛВЕКА ВО ГЛАВЕ ИМПЕРСКОЙ МЕДИЦИНЫ**

История – это люди. В этом очерке я хочу рассказать о нечасто вспоминаемом в наши дни человеке – выдающемся русском враче и организаторе медицины Якове Васильевиче Виллие. Виллие – таинственная фигура. Очень разнятся версии его происхождения – от пасторской шотландской семьи, до найденьша, усыновленного влиятельными покровителями. Ясно, что лейб-медик трех императоров был хранителем многих семейных тайн своих пациентов... Но что мы знаем о самом этом человеке? И чего мы не знаем?

Герой Бородина, руководитель Медико-хирургической академии, по сути, многолетний министр здравоохранения Империи, хотя такого официального поста в то время и не было... Не буду повторяться, но отмечу, что Виллие был врачом трех русских царей, удостоверившим как смерть Павла I от "апоплексического удара" (табакерки заговорщика), так и кончину (не исключено, что инсценированную) Александра I "от лихорадки" в Таганроге. Безусловно, его политическое и общественное влияние в России того времени было велико.

Любопытная версия о "найденше" Виллие была опубликована в "Русской старине" Оскаром фон Розенбергом (фон Смиттен) и профессором медицины Я.А. Чистовичем [1]. Согласно преданию семьи фон Смиттен, будущий баронет Виллие (по официальной биографии – сын шотландского сельского пастора), был обнаружен дедом Оскара, Евсеем Евграфовичем фон Смиттеном в 1762 г., в конце Семилетней войны, в Германии, в канаве, в возрасте "около двух лет", затем привезен в Петербург, а позже "попечением императрицы Екатерины II" отдан на воспитание почему-то "в бедную шотландскую семью". Счастлива страна, офицеры которой находят в качестве трофея в канавах ее будущее – а созданию будущего России найденьшу суждено было отменно послужить.

Оскар фон Розенберг, ссылаясь на деда и мать, настаивает на том, что сам спасенный отплатил спасителю в 1812 г., когда вылечил от ран сына Е.Е. фон Смиттена, молодого офицера русской армии. Врач будто бы сам рассказал благодарному отцу свою историю найденьша, а тот признался ему, что это именно он его нашел. Это выглядит как придуманная история с нравоучительным смыслом. Полемизируя с внуком героя этих событий, Я.А. Чистович, не верящий в семейную легенду, апеллирует к подробной официальной биографии Я.В. Виллие, согласно которой Яков (урожденный James) Виллие (Wyllie) родился 13 или 20 ноября 1768 г. (по некоторым сведениям – 1766 г.) в деревушке Кинкэрдайн-он-Форт, близ Данди, в семье небогатого сельского пастора из крестьян, у которого были еще два сына – унаследовавший отцовский крест Вильям и Роберт Уолтер, ставший моряком. Последний позже был судовладельцем на торговой линии Эдинбург – Петербург.

Хотя эта интересная публикация окружает само появление Виллие на свет ореолом тайны, нельзя не признать, что, согласно решению британского суда, кровные родственники в Англии на момент смерти у него были – иначе бы не случилось затяжки с выполнением воли покойного – отдать России его сбережения, хранившиеся в британском банке. Да и в официальных биографических бумагах все куда прозаичнее. Но кто сказал, что они полны или абсолютно правдивы? История знает много противоположных примеров.

Приложили руку к судьбе Виллие масоны? Хотя прямых сведений о его масонстве нет, но есть интересные косвенные факты – он был близким другом и боевым товарищем другого бородинского героя, известного петербургского масона графа А.И. Апраксина. Последний, крестный отец А.Д. Бланка (1799–1870), деда В.И. Ленина, позаботился о своем крестнике и помог ему поступить в Медико-хирургическую Академию, глава которой – а это был именно Я.В. Виллие – прислушался к рекомендации друга-масона и не раз поощрял талантливого курсанта наградами книгами за отличную учебу. Впоследствии (1832) акушер-ординатор больницы Марии-Магдалины Александр Бланк поселился с женой и детьми именно у Я.В. Виллие, на Английской

Яков Васильевич Виллие

набережной. Интересно, что как раз в доме лейб-медика Я.В. Виллие в 1835 г. родилась Маша Бланк – впоследствии Мария Александровна Ульянова, мать В.И. Ленина.

Следует отметить и наличие отдельных герметических идей в ранних работах Виллие. Так, в его статье "О желтой американской лихорадке" (1805), мы, при описании распространения болезни, встречаем как факторы "удушливое вещество в воздухе" и, вполне в стиле оккультных трактатов XV-XVI веков, "притягательную силу луны", а также очищение воздуха при помощи "курения совершенных минеральных кислот". Данное описание до сих пор расценивается как мистика, а на самом деле Виллие герметическим по форме языком старается передать то, что мы называем сейчас воздушно-капельным типом передачи инфекции и изменением резистентности организма под действием окружающей среды.

Что значила для русской медицины его деятельность? Достаточно напомнить, что этот человек почти половину века стоял у руля военной медицины Российской империи, без малого тридцать лет возглавлял Медико-хирургическую академию, служил личным врачом трех русских императоров и оперировал на Бородинском поле, командуя медслужбой армии Кутузова в самом кровопролитном сражении за всю историю войн, вплоть до XX столетия.

Яков Васильевич Виллие – врач, военно-медицинский администратор, доктор медицины и хирургии, почетный член Петербургской академии наук и многих отечественных и зарубежных научных обществ. За этими скупыми строчками из энциклопедии – долгая жизнь и титанический труд выдающегося шотландца, отданные на благо России.

Маленький Джимми хотел стать моряком и даже убежал из дома на корабль (вскоре затонувший), с которого, на счастье российской медицины, его своевременно сняла мать. Получив на родине в частной школе доктора Мелдрама (куда его насильно отвели родители, перечеркнув детские мечты о мореплаваниях), а затем в университетах Абердина и Эдинбурга профессию врача, молодой медик-университет (не имевший еще диплома и права практики в Британии!) решает продолжить карьеру в далекой России. Блеск и величие екатерининской эпохи делают эту загадочную страну притягательной для многих образованных европейцев. И вот, 19 сентября 1790 г. Выдержав экзамен на право врачебной практики в российской медицинской коллегии, Яков Виллие служит с этого года военным врачом в 33-м Елецком пехотном полку русской армии.

Его первое место назначения – Литва и Восточная Польша. Он участвовал в польской кампании, взятии Варшавы, на четвертом году практики блестяще провел сложную операцию по удалению пули из позвоночника у адъютанта Суворова, удалил камень из мочевого пузыря голландского посла. При всем этом старший полковой лекарь не погружался с головой в рутинные обязанности – он применил мышьяк при лечении возвратных лихорадок, обобщил свой опыт, свидетельствовавший, что только при некоторых из них такое лечение эффективно, а при других – не показано, направил работу в Абердин, где университетская коллегия рассмотрела ее и удостоила автора звания доктора медицины. Напомню, что даже сто с лишним лет спустя данное направление исследований оставалось актуальным, а нобелевский лауреат Пауль Эрлих, в частности, был отмечен именно за применение мышьяковистых соединений при спирохетозах, что находится вполне в русле этих ранних поисков Виллие. Благодаря своим знаниям, таланту практического врача и организатора медицины, умению обобщать свой опыт Яков сделал блестящую карьеру. Пройдет двадцать два года, и Виллие вернется сюда, в Польшу, вместе с русскими войсками, преследующими Наполеона, но уже в звании генерал-майора. Впоследствии он станет баронетом и академиком (1814), а в 1841 г. – действительным тайным советником (равный канцлерскому высший чин в Российской империи), будет фактическим министром здравоохранения огромной страны.

Конец XVIII столетия – эпоха фаворитизма в России. Огромна роль личности не только во всемирной истории, но прежде всего – в судьбе отдельного человека. Для молодого Виллие такой личностью стал прославленный русский военачальник генерал граф А.И. Кутайсов.

Виллие в 1799 году удачно прооперировал отца генерала, крупного сановника и царедворца (между прочим, усыновленного русскими под Бендерами турецкого найденыша!), причём впервые в России для спасения пациента от гнойного нарыва применил ларинготомию. По ходатайству Кутайсова он был назначен лейб-хирургом императора Павла I. Тринадцать лет спустя полу-турок Кутайсов и шотландец Виллие стоят насмерть под русскими знаменами на Бородинском поле, в центре кутузовских позиций. А.И. Кутайсов тяжело ранен. Осматривает его и оказывает ему первую врачебную помощь Яков Виллие.

Кутайсов просит своего верного друга не говорить никому о смертельном ранении, но весть об этом уже широко разнеслась. За несколько дней до трагического события именно Кутайсов был в числе тех, кто уговорил Виллие, состоявшего при императоре, остаться в действующей армии и возглавить ее медицинскую службу. Вот как писал об этом сам Виллие: "Вскоре по отбытии из армии Государя Императора просили меня гг. генералы: граф Остерман-Толстой, Коновницын, Ермолов, граф Кутайсов и прочие лучшие и храбрейшие офицеры армии, остаться при оной, и я, удовлетворяя общему их желанию, оставил тогда же экипажи Его Величества".

Итак, Я.В. Виллие – бессменный лейб-медик. Это само по себе говорит о полном доверии со стороны венценосных пациентов к его профессионализму. По сути, Виллие был семейным врачом Романовых. А хорошему врачу доверяют жизнь, а также и многое другое – в том числе, семейные тайны.

Как лейб-медик Павла I, именно Виллие удостоверил факт его смерти "от апоплексического удара". Но теперь мы знаем, то был иной удар – удар табакерки Зубова. В историю вошел ответ солдата конной гвардии Григория Иванова на вопрос полковника Н.А. Саблукова:

"Что же, братец, видел ты государя Павла Петровича? Действительно он умер?" – "Так точно, ваше высокоблагородие, крепко умер!" – "Присягнешь ты теперь Александру?" – "Точно так... хотя лучше покойного ему не быть..." (Оболенский Г.Л. "Император Павел I").

Это "крепко" было сказано не случайно. Но гвардия присягнула Александру, присягнул ему и лейб-медик Яков Виллие. Думается, шотландец никак не мог сочувствовать политике, которая вела к войне его первой родины и его второй родины, поэтому и примыкал к "анти-павловской" партии.

Читателю будет интересно узнать, что ключевой фигурой в удавшемся заговоре против Павла был не кто иной, как спасенный хирургом Виллие за два года до этого граф Иван Петрович Кутайсов. Считают, что он был предупрежден письмом о заговоре, но, будучи приближенным царя, не передал ему предупреждения.

Лейб-медик при новом государе остался прежним.

Виллие участвует в походе против Наполеона, сражается под Аустерлицем, Йеной, Прейсиш-Эйлау. В 1805 г. он оперирует раненого с гангреней и, порезавшись, теряет загноившийся указательный палец на левой руке, не потеряв, однако, блестящей хирургической техники.

В 1807 г. он, вместе с доктором Н.В. Благовым, спасает руку раненому Михаилу Богдановичу Барклаю-де-Толли. Здесь, по легенде, он и встречается с адъютантом последнего фон Смиттенем (см. легенду о найденьше).

"Дней Александровых прекрасное начало" позволило раскрыться и организаторским талантам Виллие. В 1806 г. он стал главным военно-медицинским инспектором армии (был им до 1854 г.) и директором медицинского департамента Военного министерства (эту должность Виллие занимал до 1836 г.). В 1808 г., едва достигнув сорокалетнего возраста, он становится первым президентом старейшего высшего медицинского учебного заведения России – Петербургской медико-хирургической академии (ныне – Военно-медицинская академия). Руководить работой академии ему предстоит в течение тридцати лет – и именно под его руководством эта авторитетная школа военной медицины расцветет и будет бурно развиваться.

Для русского здравоохранения Яков Виллие во многом был первопроходцем, и это связано не только с военно-полевой медициной. Например, по некоторым данным, именно он первым ввел в нашей медицинской практике обязательное заполнение амбулаторных карт больных – "скорбных листов", что имело не меньшее значение, чем введение М.Я. Мудровым в практику русской стационарной медицины историй болезни. В 1838 г. Он открыл первые военно-фельдшерские школы, а еще ранее, в 1806 г., составил и опубликовал первую русскую военную фармакопею – "Pharmacopoea castrensis Ruthenica" ("Фармакопея российская военная", СПб, 1818), служившую отечественным врачам почти полвека и выдержавшую четыре издания. Виллие ввел в России новое профессиональное звание – медика-хирурга, присуждавшееся Медико-хирургической академией после трех и более самостоятельно проведенных успешных операций. Большое внимание он уделял военной гигиене и эпидемиологии. Важную роль в борьбе с эпидемией холеры в Южной России сыграл его труд "Описание индийской холеры для врачей армии" (1830). Первая в России хирургическая клиника на тринадцать коек была открыта в 1806 г., а затем, благодаря содействию Я.В. Виллие, она расширилась в два с половиной раза, и в ней началась клиническая подготовка курсантов Медико-хирургической академии. Труд Виллие "Краткое наставление о важнейших хирургических операциях", где описаны 33 оперативных вмешательства

(1806), наряду с книгами Е.О. Мухина и И.Ф. Буша, оставался основой обучения российских хирургов первых десятилетий XIX века.

С 1810 по 1813 гг. Я.В. Виллие – декан Медицинского совета Министерства народного просвещения. Значительные научные и учебно-методические труды предопределили избрание его членом Петербургской академии наук (25 мая 1814 г.). Виллие начал издание первого в России научного медицинского журнала – "Всеобщий журнал врачебной науки" (1811–1816), он стал председателем Военно-медицинского ученого комитета (1843) и основал первый периодический русскоязычный "Военно-медицинский журнал" (1823), выходящий и поныне.

Медицина – часть культуры человечества. Неудивительно, что Я.В. Виллие являлся одним из культурнейших людей своей эпохи, полиглотом, книголюбом, любителем словесности. В 1795–1798 гг. в Москве молодой доктор был семейным врачом князя Б.В. Голицына, которого современники считали воплощением русской культуры, русского духа и образованности. Впоследствии, уже в столице, близкими друзьями Виллие стали видные литераторы, ведущие русские журналисты того периода: Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин, они традиционно обедали у доктора Виллие по средам – по свидетельству современника, известного литератора А.Е. Измайлова, который и сам был вхож в круг друзей Виллие. Не случайно 12 сентября 1802 г. именно доктора Виллие послал Александр I оказать помощь выдающемуся русскому публицисту А.Н. Радищеву, который пользовался симпатиями либерально настроенного царя и работал в тот период в правительственной комиссии по реформам (Радищев отравился азотной кислотой и умирал в страшных мучениях; Виллие пытался спасти писателя, но безуспешно). Дом Я.В. Виллие (Английская наб., 74, угол наб. Ново-Адмиралтейского канала, 2) видел немало жарких литературных споров между заметными фигурами русской культуры и словесности. В наши дни это здание охраняется как памятник архитектуры.

Венцом карьеры Виллие как военного медика и проверки состоятельности выстроенной им системы русской военно-полевой медицины стали войны России с Наполеоном. "В этот период им была разработана и внедрена новая система оказания помощи раненым, а число временных военных госпиталей его стараниями было увеличено в 1811–1812 годах с 29 до 70", писал В.С. Агте [2]. В письме генерал-инспектору всей артиллерии графу Алексею Андреевичу Аракчееву 12 сентября 1812 г. Виллие описывает будни русской военно-полевой медицины в сражениях 1812 г. следующим образом:

"После отшествия от Смоленска в 15 верстах от оногo по Дорогобужской дороге 7 августа происходило сражение, где раненым также оказана была всякая помощь. В сражениях при Бородине две трети врачей распределены были позади третьей линии впереди резервного корпуса, остальные же рассеяны были по разным местам в промежутках вдоль по линиям. Посредством сего распоряжения всем раненым в сих сражениях учинены были операции и перевязки, исключая весьма малого числа уклонившихся с большой дороги в стороны. Отсюда до Москвы расставлены были по станциям лекари как для пересмотра раненых, так и для того, чтобы никто из них не остался на пути сем без помощи. В сии дни медицинские чиновники показали отличнейшее рвение при исполнении своей обязанности. Находясь по приказанию гг. Главнокомандующего всеми армиями генерал-фельдмаршала Его Светлости Князя Голенищева-Кутузова и генерала от кавалерии барона Бенигсена в центре позиции, я кроме пересмотра многих раненых сделал от 60 до 80 важных операций. От Смоленска до Москвы по настоянию моему у г. генерал-майора Ермолова назначаемы были всегда места, куда следовало отправлять раненых; но ни он, ни я не предполагали послать их в Москву. За две версты от оной получил я опять приказание сделать все приготовления для перевязки раненых на поле сражения; но в 9 часов вечера 1 сентября дано внезапно приказание о выводе больных и раненых из Москвы, коих большая часть взяла направление к Владимиру и Рязани, куда для пользования их отправлен мною г. лейб-медик Лодер с 50-ю врачами. Что принадлежит до 2300 рядовых и 50 офицеров раненых, находившихся в Вязьме, то прибыв в сей город благовременно, отправил я из оногo во Гжатск и в Волоколамск до 11 000 больных и раненых, снабдив их всем нужным для пути".

Читая этот документ, который бесстрастно повествует о выполнении военными врачами своего долга, вспоминаются страницы "Войны и мира", где Лев Толстой описывает будничные профессиональный героизм капитана Тушина. Именно таким человеком долга был на службе Яков Виллие, который, по данным В.С. Агте [2], только в день Бородина лично оказал хирургическую помощь двумстам раненым и контуженным русским воинам. Героизм служебного долга – таков был стиль эпохи.

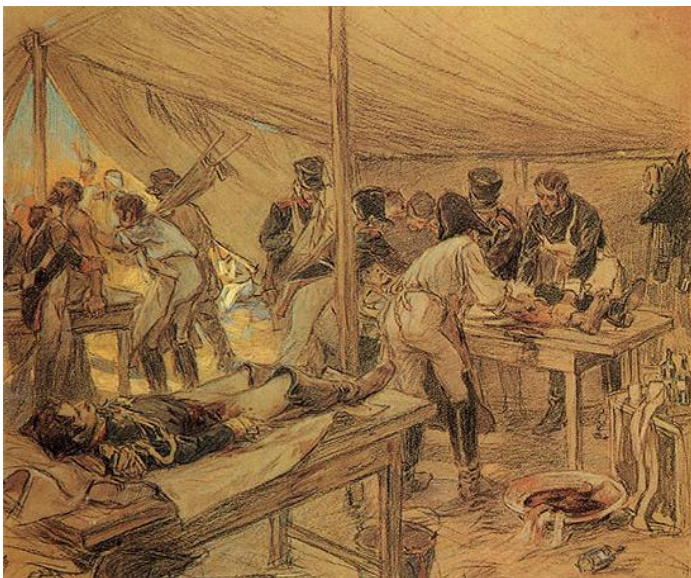
Несколькими страницами ниже описания воинского труда капитана Тушина Лев Толстой цитирует протокол о количестве мертвых тел, собранных и погребенных крестьянами, участвовавшими в уборке Бородинского поля после сражения, и этот сухой документ поражает воображение всякого, кто его прочел - после битвы, длившейся всего 15 часов, только на поле боя было подобрано около 89 000 трупов. Толстой оставил в своем романе-эпопее яркое описание работы военных медиков в Бородинской битве:

"Перевязочный пункт состоял из трех раскинутых, с завороченными полами палаток на краю березняка... Вокруг палаток, больше чем на две десятины места, лежали, сидели, стояли окровавленные люди в различных одеждах... Из палаток слышались то громкие, злые вопли, то жалобные стенания. Изредка выбегали оттуда фельдшера за водой и указывали на тех, которых надо было вносить. Раненые ожидали у палатки своей очереди, хрипели, стонали, плакали, кричали, ругались, просили водки..."

На военных медиков в этой кампании выпала нагрузка, небывалая в истории войн. Как справилась с нею служба Виллие, лучше всего засвидетельствовал его прямой противник, главный хирург армии Наполеона Жан-Доминик Ларрей (1766-1842). По возвращении из России в двухтомном труде об опыте русской кампании он напишет ставшую исторической фразу: "Раны победителей заживали быстрее". Более пятисот воспитанников Петербургской медико-хирургической академии под руководством Виллие принимали участие в Отечественной войне 1812-1814 гг. и вызвали своим искусством благодарность императора Александра I, восторг и уважение знаменитых хирургов Наполеона Перси и Ларрея.

Согласно инструктивным документам, разработанным героем нашего очерка, в действующей русской армии того периода для переноски раненых с поля боя на перевязочный пункт в каждом полку должны были иметься двадцать или более нестроевых солдат с четырьмя носилками и с двумя легкими линейками. Место перевязки назначалось дневными приказами по армии и обозначалось "флагом или другими какими-либо знаками, чтобы раненые, не блуждая, могли оное сыскать". Положением 1812 г. Военной полиции поручалось наблюдать, чтобы перевязка раненых, "если сражение пространно, отправлялось в разных местах". На военную полицию возлагался и вынос раненых с поля боя. Генерал-гевальдингеру предписывалось перед боем "сделать цепь за линиями армии из особой конвойной команды, через которую доставлять он будет раненых в развозные госпитали для перевязки". Каждый перевязочный пункт был оснащен готовыми повязками, бинтами, корпией, хирургическими инструментами. В каждом полку имелась запрягаемая двумя лошадьми аптечная фура с аптечными ящиками. На переднем ящике сидел кучер, на заднем оставалось место для слабого больного. Аптечные ящики были пяти типов. Два типа ящиков (большой и средней величины) - так называемые полковые ящики старой и новой коллежской формы. Три типа: малый ящик с 19-ю инструментами, весьма малый с 10-ю инструментами и кожаная сумочка с 10-ю инструментами (полковой ящик новейшей формы, батальонный ящик и фельдшерские инструменты). Также каждый лекарь имел карманный набор хирургических инструментов. За перевязочными пунктами следует система временных военных госпиталей. Развозные госпитали имели задачей оказание первой помощи раненым на поле сражения и доставку их в подвижные госпитали.

Работа военно-полевых медиков в ту эпоху, до открытия антибиотиков, наркоза и современной реанимации, была крайне тяжелой и зачастую неблагоприятной. Одно лишь Бородинское сражение выбило из строя в русской армии по меньшей мере от 42,5 до 46 тысяч человек (вспомните нелегкие послебородинские размышления Кутузова у Льва Толстого: "Наутро стали приходиться донесения о потерях неслыханных. о потере половины армии"). Французы оставили на поле боя от 53 до 58 тысяч убитых и раненых, или 43% численности своего бородинского войска. В самой кровавой

В санитарной палатке на Бородинском поле. Рисунок А. Аспита к «Войне и миру» Л.Н. Толстого (1912).

битве столетия пали 29 русских и 49 неприятельских генералов. Кстати, один из самых достоверных списков бородинских потерь составлен по служебным донесениям командиров полков именно службой Виллие, который под именем "доктора Вилье" тоже выведен Толстым на страницах романа.

Опираясь на усредненные данные из различных источников, можно сказать, что с 1812 по 1815 гг. русская армия потеряла 210 000 - 215 000 человек. Смертность среди раненых между тем составила 7-17% (В.М. Корнеев, Л.В. Михайлова "Медицинская служба в отечественную войну 1812 года", Л., 1962). Объективные показатели при сравнении с данными о других кампаниях той эпохи свидетельствуют о вполне удовлетворительном медицинском обеспечении русской армии и о громадном превосходстве над медицинской службой армии французской, где усилия Ж.-Д. Ларрея были сориентированы в основном на работу в гвардейских частях. По рекомендации Александра I доктор Виллие в конце войны стал баронетом Британской империи (1814).

Михаил Илларионович Кутузов дал благодарственный письменный отзыв о медицинской службе баронета Я.В. Виллие. Интересно, что герой данного очерка сопровождал легендарного фельдмаршала и заботился о здоровье спасителя России до последних дней его жизни. Вот что пишет об этом В.С. Пикуль в повести "Каждому - свое":

"Не доехав до Дрездена, в 1813 г. смертельно больной Кутузов Михаил Илларионович остановился в силезском городишке Бунцлау, где прусский майор фон Марк уступил ему второй этаж своего дома. Был апрель, по утрам пели птички. Встревоженный, в Бунцлау приехал Виллие, лучший врач армии, а прусский король срочно прислал к больному своего лейб-медика Гуфеланда, и тот сказал Виллие: "Простите, коллега, я вас оставляю. У меня репутация лучшего врача в Европе, и на старости лет не хотелось бы запятнать ее смертью столь великого человека".

Виллие, между тем, остался с Кутузовым, за свою репутацию он не беспокоился и пациента оставить не мог. Далее мы читаем:

"Весь израненный в битвах, истощенный волевым напряжением героики 1812 года, Кутузов отвергал все лекарства. "Съешь сам, если ты меня любишь", - говорил он Виллие.

Насколько качественной и передовой для своего времени была работа Виллие как военно-медицинского администратора, видно хотя бы из того факта, что тогдашний союзник России Пруссия пригласила именно российского специалиста Виллие для реорганизации по русскому образцу медслужбы в прусской армии. И с ролью главного военно-медицинского советника прусского короля Я.В. Виллие справился прекрасно.

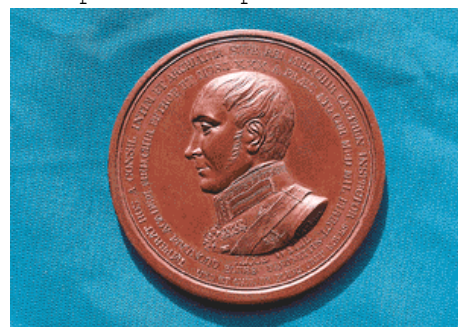
Признанием заслуг Якова Виллие, участвовавшего в качестве врача во всех войнах Российской империи в первой половине XIX века, явилось награждение его всеми русскими и многими зарубежными орденами. В частности, знаменитый медик был кавалером ордена Святого Владимира 1-й степени и Святого Александра Невского с алмазными знаками; британская корона, как уже отмечалось, в 1814 г. пожаловала Виллие рыцарский титул.

В его честь была отлита памятная золотая медаль. 9 (21) декабря 1840 года в зале Дворянского собрания на чествовании Я. В. Виллие по случаю 50-летнего служения России, ему преподнесли золоченую серебряную вазу и золотую медаль с его изображением.

По желанию юбиляра из собранных средств учредили стипендии его имени студентам Медико-хирургической Академии из малообеспеченных семей военных врачей. Когда Виллие покидал академию в 1838 году, конференция постановила поместить в академической библиотеке его портрет. Судьба этого портрета неизвестна. В официальном издании, посвященном 100-летию Военного министерства, Я.В. Виллие назван "великим врачом-администратором".

Он сопровождал Александра I во всех его военных походах и поездках по стране. Осенью 1825 г. он вместе с Александром I выезжает на юг России, и там, в Таганроге, где остановились император Александр Павлович и его супруга Елизавета Алексеевна, царь "после кратковременной тяжелой болезни" на глазах Виллие скоропостижно умирает. Вот как писал об этом современник Н.Я. Данилевский:

"Несмотря на то, что государь император вообще не любил не только принимать лекарств, но даже и говорить об оных, особенно за столом; однако же при

Памятная медаль, отлитая 1840 г. в честь заслуг Я.В. Виллие.

обеденном столе, бывшем между Знаменкой и Ореховым, сверх обыкновения, расспрашивал он своего лейб-медика о Крымских лихорадках и внимательно слушал об оных суждение Виллие; наконец спросил: "Знаете ли вы действительное средство против сей болезни?" Виллие назвал оное. "Есть ли оно у вас в походной аптеке?" Лекарство тотчас было принесено и, несмотря на отвращение государя ко всему тому, что сильно пахнет, он отведал его несколько раз и в продолжение пути оказывал особенное отвращение ко вкусу сего лекарства". И далее: "Прибыв в Мариуполь, государь позвал Виллие и сказал ему, что чувствует озноб и что намерен выпить пуншу, чтоб пропотеть. Выпив пунш, укутался в постели и в первый раз говорил с доктором обстоятельно о своей болезни. Виллие нашел, что у него сильная лихорадка; ногти его были сини, а в теле озноб и дрожь. Хотя лихорадка его и оставила: но в последний день путешествия, на переезде из Мариуполя в Таганрог, он почти ничего не вкушал и чувствовал всеобщую немощь в своем теле". Сам Виллие в личном дневнике свидетельствует о своем пациенте: "Ночь провел дурно. Отказ принимать лекарство. Он приводит меня в отчаяние. Страшусь, что такое упорство не имело бы когда-нибудь дурных последствий... Эта лихорадка, очевидно febris gastrica biliosa 1, это гнилая отрыжка, это воспаление в стороне печени..."

Яков Васильевич по должности был одним из тех, кто подписал документы о смерти государя 19 ноября 1825 г., поставившей точку в Александровской эпохе России. Он же бальзамирует тело и сопровождает гроб с августейшими останками из Таганрога через Москву в столицу для захоронения в Петропавловском соборе. Но было ли это тело Александра I?

Неожиданная смерть находившегося в расцвете лет победителя Наполеона, красавца и кумира всей Европы Александра Павловича, до того очень редко болевшего, последовала в приазовском захолустье, вдали от света, и вызвала много криво-толков. Ему было только 47 лет. Укрепилась легенда о его добровольном и тайном самоустранении от власти и трона по религиозно-философским мотивам, в связи с раскаянием за молчаливое согласие с убийством отца и за многочисленные жертвы войн. Ряд историков и писателей, доверяя такой версии, указывали, что отошедший

от власти монарх инсценировал свою смерть и много лет жил затем в уединении, в отшельничестве в Сибири под именем старца Федора Кузьмича. Не исключал этой версии и Лев Толстой. Старец Федор Кузьмич - историческое лицо, он славился высокой образованностью, скрывал свое происхождение, умер в 1864 г. в Томске и был канонизирован Русской православной церковью, его мощи сохранились близ этого сибирского города. Между тем, императора похоронили в закрытом гробу, а

Кончина Александра I в Таганроге. Из книги Н.Я. Данилевского.

вскрыв его саркофаг, археологи не нашли там останков, о чем официально объявлялось в ходе работ в Петропавловской крепости в 20-е годы, уже в советское время.

На картине Виллие изображен стоящим рядом с императрицей Елизаветой Алексеевной у постели умершего. Если легенда об экс-императоре-отшельнике имеет под собой реальные основания, то в Таганроге Александром I и его ближайшим окружением был разыгран величайший спектакль в российской истории, и лейб-медику в нем, конечно же, принадлежала очень важная роль. В дневнике Виллие до даты смерти царя имеется загадочная фраза, привлекающая внимание историков, которые верят в отречение Александра I: "Мы приехали в Таганрог, где кончилась первая часть вояжа. Finis!"

Нам до сих пор не известно, был ли Александр Павлович старцем Федором Кузьмичом. Но не исключено, что доктор Виллие сохранял до конца жизни не одну, а целых две великие тайны династии Романовых - не только тайну смерти отца, но и тайну отречения сына. Оба были его доверенными пациентами.

Полагаю, что Романовы должны были оценить умение врача хранить тайну. В любом случае, начальник придворной медицинской службы Я.В. Виллие был среди тех немногих, кто знал правду. В истории остался и еще один факт: после смерти состояние этого государственного служащего было несопоставимо с размером его жалования и превысило полтора миллиона рублей серебром. Всю эту фантастическую по тем временам сумму он завещал Медико-хирургической академии на строительство и содержание "Клиники на 150 мест для безвозмездного пользования больных обоего пола, без различия званий и сословий". Завещание было выполнено, и Михайловскую клиническую больницу торжественно открыли 27 декабря 1873 года. Больница построена по проекту военного инженера К.Л. Соколова, состоит из нескольких корпусов и напоминает по форме букву "W". Один ее корпус был административным, в других размещались терапевтическая, хирургическая, глазная, акушерская и детская клиники академии. С 1874 г. и до конца жизни именно в ней работал великий русский врач С.П. Боткин. И доньше подарок баронета Виллие является частью Военно-медицинской академии.

Корпуса Михайловской клинической больницы, современная фотография.

Как лейб-медик Николая I, в 1828-1829 гг. доктор Виллие руководил медицинской службой действующей армии в русско-турецкой войне и стал первым медиком, произведенным в действительные тайные советники. Я.В. Виллие скончался в Санкт-Петербурге, в самом конце царствования Николая I, на 86-м году жизни, 11 февраля 1854 г.

На посту лейб-медика императора Николая Павловича на смену Виллие пришел видный хирург, участник наполеоновских войн, многолетний соратник российского "военврача N 1" Николай Федорович Арендт (1786-1859). Последний (кстати, консультант раненого А.С. Пушкина) был основателем масонской ложи "Св. Георгий Победоносец" (1818-1819). Виллие же через свои труды и воплощенные в жизнь проекты продолжал влиять на развитие русской медицины и после смерти.

Память о выдающемся медике помогает сохранить воздвигнутый в его честь монумент, открытый 9 декабря 1859 года перед фасадом главного здания Медико-хирургической академии.

Памятник Я.В. Виллие перед фасадом главного здания Медико-хирургической академии, 1912 г. Историческое фото К.В. Буллы – слева, справа – современный вид.

Скульптор-датчанин Д.И. Иенсен и любимый архитектор последнего из венценосных пациентов Виллие Николай I А.И. Штакеншнейдер изобразили доктора сидящим на уступе скалы с пером и свитком в руках, а у его ног положили бронзовую книгу – "Военная фармакопея". Массивный шестиметровый гранитный постамент украсили четыре фигуры, олицетворяющие богиню здоровья Гигею. На бронзовых горельефах – сцены из жизни Виллие: заседание конференции академии, оказание помощи раненым на поле брани. На

лицевой стороне пьедестала надпись: "Лейб-медику действительно тайному советнику баронету Виллие. Декабря 9 дня 1859 года".

Яков Васильевич Виллие похоронен недалеко от центра города, на Волковском лютеранском кладбище, которое нетрудно посетить, если проехать по Лиговскому проспекту и Расстанной улице. Его могила с гранитным надгробием хорошо сохранилась; надписи, вырезанные на камне, и сегодня легко читаются, они повествуют о заслугах доктора Виллие перед его второй родиной – Россией. Вот одна из них:

"Дела управления и помощь страждущим не отвлекали баронета Якова Васильевича Виллие от служения науке: он написал сочинения о желтой горячке, чуме, холере, болезнях, жаркому климату свойственных, военную фармакопею, руководство оперативной хирургии, первое на русском языке, и основал первый русский медицинский журнал, издающийся донныне. Сердечно полюбив Россию и в завещании именуя ее своим вторым Отечеством, он назначил все свое наследство, более миллиона рублей, на пользу медицинского образования в России и на добрые дела".

Судьба памятника в советские годы оказалась нелегкой. Без малого век он стоял у главного здания Военно-медицинской академии на очень почетном и людном месте, и его постоянно видели и знали все горожане и многие гости города. Но в 1948 г. разгорелась абсурдная кампания "по борьбе с космополитизмом". Одним из перлов этой сталинистской истерии, наряду с одиозным переименованием кафе "Норд" в кафе "Север" и перекрещиванием симптома Блюмберга в "симптом Щеткина Блюмберга", было объявление Я.В. Виллие, умершего почти столетие назад, "английским шпионом", о чем горожане могли узнать

из органа обкома партии газеты "Ленинградская правда". Шотландец якобы докладывал англичанам о состоянии дел в русской армии в 1812 г. И даже тот исторический факт, что наше Отечество и Англия были в наполеоновских войнах ближайшими союзниками, не убедил ретивых шпиономанов. Вот в каких выражениях это провозглашалось сервильными историками конца 40-х годов: "Яркий оруженосец внешней политики Великобритании, направленной против русского народа, всю жизнь преследовавший русских врачей, Виллие тормозил развитие нашей национальной медицины". И хотя нелепица эта была вскоре опровергнута на специальном совещании историков медицины в Военно-медицинском музее, однако в 1949 г. памятник все-таки демонтировали, и почти пятнадцать лет он пролежал в ящиках. Только в 1964 г. состоялась "реабилитация памятника Виллие", и его вновь восстановили. Но, по-видимому, фигуру лекаря царей – российского шотландца – советские администраторы сочли все же недостаточно уместной перед фасадом ордена В.И. Ленина Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова. В связи с этим памятник человеку, блистательно руководившему академией и выпестовавшему поколения военврачей, поместили в скромном парке, возле бывшей Михайловской больницы, построенной на его деньги. Там, по адресу Боткинская улица, д. 20, его можно видеть и по сию пору.

Род Виллие не прервался, продолжилась и его российская ветвь. Племянник нашего героя, Яков Васильевич Виллие-младший (1794-1850) также переехал в Россию и служил лейб-медиком по примеру дяди. Он тоже похоронен в Санкт-Петербурге. Его сын, внучатый племянник Я.В. Виллие-старшего, Михаил Яковлевич Виллие (1838-1910) – талантливый художник, основатель и яркий представитель российской школы акварелистов, член Российской Академии художеств, был придворным художником царской фамилии. Уроженец города на Неве, он было избрал, как и отец с дедом, военную карьеру, получил юнкерское образование, служил до 24 лет в Преображенском полку. Но природный художественный талант заставил его брать частные уроки живописи в России и в Бельгии, выйти в отставку и посвятить себя акварели. М.Я. Вил-

Могила Я. В. Виллие на Волковском лютеранском кладбище.
Фото О.Д. Чеснокова.

лие не заканчивал художественных академий, но его талант ярко проявил себя в истории отечественной живописи. Особенно он славился своими архитектурными видами и жанровыми зарисовками. В своем дневнике уже в 1896 г. Николай II пишет: "Утром Виллие показывал Аликс и мне свои акварели с видами Дармштадта и Кобурга, которые я ему заказал для нее".

Не иссякла и медицинская ветвь рода Виллие. Далекий шотландский потомок этого славного рода, патолог А.Н. Wyllie - соавтор основополагающих работ по механизмам и значению апоптоза (1972), широко цитируемых в современной медицинской литературе.

Яков Васильевич Виллие - человек, личность и судьба которого во многом символичны для нашего города, этого великого межкультурного окна, места плодотворного творческого взаимодействия людей разных наций. Такое совместное творчество петербуржцев, принадлежавших к разным культурно-этническим традициям, но работавших на благо России и посвятивших свои жизни науке, технике, искусству, общественной деятельности, медицине, создало славу этого города и способствовало расцвету и величию российской цивилизации.

Автор выражает сердечную благодарность коллекционеру и библиографу Владимиру Петровичу Тюкину за помощь в подготовке данного очерка.

Литература

1. Чистович Я.А. "Памятник доктору медицины и хирургии Виллие Я.В.", СПб., 1860.
2. Агте В.С. "Сердечно полюбив Россию". Интернет-документ. <http://www.bsmu.anrb.ru/pp/agte/villie.htm>
3. Виллие Я.В. "Краткое наставление о важнейших хирургических операциях", 1806.
4. Виллие Я.В. "Описание индийской холеры для врачей армии", СПб., 1830.
5. Виллие Я.В. "Российская военная фармакопея". Издание 4-е. СПб., 1848.
6. Виллие Я.В. Письмо графу А. А. Аракчееву от 12 сентября 1812 г. "Отечественная война в письмах современников", СПб., 1882, с. 132.

Журнальную версию этой главы с полной библиографией см.:

Чурилов Л.П., Строев Ю.И., Тюкин В.П. Герой Отечественной войны 1812 г. баронет Яков Васильевич Виллие и русская медицина//Здоровье-основа человеческого потенциала. Проблемы и пути их решения. -2012.-т.7.-ч.2.- с. 974-996.